

ПРОБЛЕМАТИКА ХРИСТИАНСКАГО ВОЗСОЕДИНЕНІЯ*)

*«тогда еще кто речетъ вамъ:
се здѣ Христосъ, или ондѣ:
не имите вѣры».* —

Ме. XXIV. 23.

1. Церковь едина. И это единство есть самое бытіе Церкви. Церковь есть единство, единство во Христѣ, «единеніе Духа въ союзѣ мира» (Еф. IV. 3). Церковь создана и создается въ мірѣ именно ради единства и соединенія, — «да вси едино будутъ» (Іо. XVII. 21). Церковь есть единое «тѣло», т. е. организмъ, и Тѣло Христово. «Ибо единѣмъ Духомъ мы вси во едино тѣло крестихомся» (I Кор. XII. 13). И только въ Церкви и возможно или осуществимо это подлинное и дѣйствительное единеніе и единство, въ таинствѣ любви Христовой, въ преобразующей силѣ Духа, по образу и подобію Троицы Единосущной... Такъ есть и такъ должно быть. Но это единство не явлено и не раскрыто въ исторіи Христіанской. И въ Христіанской исторіи единство остается только неразрѣшенной задачей, и разрѣшеніе ея все передвигается и отодвигается вдаль и впередъ, къ послѣдному эсхатологическому предѣлу. Въ христіанской эмпири нѣтъ единства. Христіанскій міръ пребываетъ въ раздѣленіи, — и не только въ раздѣленіи, но и въ раздорѣ, и въ смутѣ, и въ борьбѣ. Въ Христіанской исторіи мы видимъ не больше единства и согласія, чѣмъ въ исторіи внѣшней, не-христіанской. Въ христіанскихъ обществахъ не только не сняты и не изжиты тѣ раздѣленія, которыя разлагаютъ и разрушаютъ

*) Давая мѣсто интересной статьѣ свящ. Г. Флоровскаго редакція «Пути» считаетъ нужнымъ оговорить, что не считаетъ его точку зрѣнія на христіанское возсоединеніе единственной и допускаетъ другія точки зрѣнія.

Редакція.

«естественный» порядокъ жизни, — вѣдь не примирены и не погашены и здѣсь расовые или національные антагонизмы (срв. т. наз. «филетизмъ»). Мало того, въ самомъ ученіи Христіанскомъ, въ самой вѣрѣ Христовой оказываются поводы и темы для взаимнаго отчужденія, для разлученія и непріязни, для непримиримыхъ споровъ, для прямой вражды. Христіанскій міръ раздѣляется не только о мірскомъ, но и о самомъ Христѣ... Нѣтъ между христіанами, вѣрующими во имя Его, согласія о Немъ, о Его дѣлахъ и о Его дѣлѣ. Это камень преткновенія и соблазна... Церковь едина и неодолима въ своемъ единствѣ. Но Христіанскій міръ раздѣленъ и расколотъ. Христось «тойже и во вѣки» (*Евр. XIII. 8*). Но христіане расходятся о Немъ, и не только мыслятъ, но и вѣрують по-разному. И въ разномъ полагають свою надежду и упованія... Да, Церковь не раздѣляется, не раздѣлялась, не раздѣлилась. Церковь не раздѣлена и нераздѣльна. И самое слово «Церковь» въ строгомъ и точномъ словоупотребленіи не имѣеть и не допускаеть множественнаго числа, — развѣ въ переносномъ и не-собственномъ смыслѣ... И, однако, вѣдь Христіанскій міръ весь въ раздорѣ и въ разрывѣ, — не приходится ли даже сказать прямо: въ распадѣ... Пусть случившееся не было ни раздѣленіемъ Церкви, ни «раздѣленіемъ церквей». Пусть точнѣе говорить не о раздѣленіяхъ въ Церкви, но объ отдѣленіяхъ отъ Церкви. Но вѣдь самый фактъ раздора и раскола остается... И Церковь не останавливаетъ этого раскола и раздробленія. Центробѣжныя силы преобладають не только во внѣшнемъ мірѣ, но вторгаются и во внутрь самой Церкви. Церковь въ скорби и въ гоненіи. И гонима не только отъ враговъ и сопротивниковъ, но не рѣже и отъ лже-братій. «Но прійдетъ часъ, да всякъ, иже убіетъ вы, возмнится службу приносить Богу» (*Іо. XVI. 2*).. Вотъ въ этомъ основной парадоксъ Христіанской исторіи. И бывають эпохи, когда съ обновленной остротой испытывается и переживается вся горечь и вся боль этого парадоксальнаго раскола и распада. Изумѣваетъ умъ объ этой тайнѣ челоуѣческаго противленія и упорства. Какъ это возможно, и что это значить... «О, чудесе, что сіе еже о насъ бысть таинство. Како предахомся тлѣнію, како сопрягохомся смерти»... Кажется, мы вступаемъ и уже вступили въ такую эпоху. И вспыхиваетъ потребность въ примиреніи и единствѣ. Рождается и крѣпнетъ воля къ единству. Тема Христіанскаго единства и единенія становится темой эпохи, темой времени, темой исторіи... Открывается въ стыдѣ и тревогѣ вся противоестественность раздѣленій, не-примиримости и не-любви о Христѣ... Но воля къ единству не можетъ и не должна оставаться только смутнымъ волненіемъ и трепетомъ сердца. И сентиментализмъ о Христѣ есть прелесть и безсильный самообманъ. Единство о Христѣ

осуществимо только въ трезвости и бдѣніи духовномъ. Воля къ единству должна прозрѣть и закалиться въ покаянномъ искуствѣ и въ подвигѣ вѣры.

2. Врядъ ли кто станетъ спорить, что Христіанскій міръ долженъ быть и стать единымъ. Врядъ ли нужно доказывать, что подобаесть или надлежитъ соединиться и воссоединиться... Но изъ этого безспорнаго постулата очень мудро сдѣлать отчетливые и практическіе выводы. Вѣдь главная трудность въ другомъ: какъ можетъ Христіанскій міръ стать единымъ. То есть: что значитъ соединиться и быть едино о Христвѣ... Въ чемъ смыслъ этого воссоединенія... И гдѣ пути или путь въ единство... Въ исторіи было немало, скорѣе слишкомъ много, попытокъ возстановить Христіанское единство, осуществить нѣкій «вѣчный міръ», хотя бы между христіанами. Но нужно сознаться сразу: эти попытки не были удачны. И ничто такъ не мѣшаетъ дѣлу подлиннаго сближенія и соединенія, какъ именно эти неудачныя попытки, отъ которыхъ въ лучшемъ случаѣ остается только горечь воспоминаній и усталая безнадежность... Во всякомъ случаѣ, прежде всего нужно уяснить и установить, въ чемъ смыслъ и суть этого трагическаго Христіанскаго раздѣленія, чѣмъ оно вызвано и вызывается, что собственно подлежитъ преодолѣнію. Съ такого покаяннаго и суднаго искуса во всякомъ случаѣ приходится начинать, какъ бы тягостна и мучительна ни была эта автопсія Христіанскаго міра... Первое, что необходимо прочувствовать и понять съ самаго начала, — вопросъ о раздѣленіи и соединеніи нельзя исчерпать и рѣшить въ однихъ только моральныхъ категоріяхъ. Это вовсе не есть только вопросъ миролюбія или терпимости. Такое втѣсненіе «уніональной» проблемы въ несоотвѣтственныя моралистическія рамки есть ея искаженіе и опрощеніе. Историкъ долженъ прежде всего протестовать противъ всякой попытки такой поспѣшной и односторонней морализаціи исторіи. Исторію Христіанскихъ раздѣленій такъ же мало можно вывести и построить изъ начала нетерпимости, какъ и изъ начала гордости или властолюбія, или плотоугодія, или низости. Конечно, человѣческія страсти со всею силой разряжаются и раскрываются и въ раздѣленіи Христіанства. Но не въ нравственной порочности или слабости человѣка первый источникъ этихъ Христіанскихъ схизмъ. Но въ заблужденіи... Такъ можно выразить эту мысль. Да, источникъ раздѣленій — въ недостаткѣ любви. Но не достаетъ прежде всего не любви къ ближнему своему, но именно любви къ Богу, — и потому помрачается духовный взоръ человѣка и уже не узнаетъ онъ Небеснаго Отца своего, — вѣдь только чистые сердцемъ въ прозрачности своего сердца видятъ Бога. А не зная Отца, не знаетъ и не узнаетъ братьевъ. Иными словами, — источ-

никъ раздѣленій и расколовъ — прежде всего въ разномыслии объ Истинѣ... Раздѣленіе Христіанскаго міра имѣетъ прежде всего догматическій смыслъ. Это есть всегда раздѣленіе въ вѣрѣ, въ самомъ опытѣ вѣры, не только въ формулахъ и исповѣданіи. Потому и преодолевается раздѣленіе не столько въ нѣжности и братолюбіи, сколько въ согласіи и единомыслии, — въ духовномъ прозрѣніи, въ единствѣ Истины... Слѣдуетъ прямо сказать: единства любви и въ любви мало и недостаточно. Любить подобаетъ и враговъ, и даже враговъ Истины, — и любить ихъ именно какъ братьевъ, и томиться объ ихъ спасеніи и причтеніи къ сонму и лику Христову. Однако, такая любовь еще не образуетъ подлиннаго единства. Да врядъ ли и возможно подлинное единство любви безъ единства въ вѣрѣ и вѣры... И въ расколахъ всегда чувствуется въ основахъ разномысліе и разногласіе, разное видѣніе и пониманіе. Потому и расколъ не можетъ быть искренно изжитъ въ одномъ сентиментальномъ братолюбіи и послушаніи, но только во внутреннемъ согласіи... Въ самомъ «униональномъ» морализмѣ есть свои «догматическія» предпосылки. Молчаливо предполагается, что для раздѣленія не было и нѣтъ достаточныхъ основаній, что все раздѣленіе есть только какое-то трагическое недоразумѣніе, — что несогласія кажутся непримиримыми только отъ недостатка любовнаго вниманія другъ къ другу, не то отъ неумѣнія, не то отъ нежеланія понять, что при всемъ различіи и несходствѣ есть достаточное единство и согласіе въ главномъ. Вотъ это выдѣленіе «главнаго» и есть очень спорная предпосылка. И то, въ чемъ нѣтъ согласія, предлагается не считать главнымъ, тогда разногласіемъ и можно пренебречь... Такимъ образомъ, «морализмъ» есть всегда нѣкій догматическій минимализмъ, если и не прямой адогматизмъ. Питается и возникаетъ онъ именно изъ нѣкоего догматическаго нечувствія, или равнодушія, или близорукости. Можно сказать: изъ противоестественнаго расторженія и противопоставленія Истины и Любви. Но только въ Истинѣ есть подлинная и духовная любовь, а не только душевность и томленіе чувствъ... Морализмъ есть, строго говоря, своего рода догматическая установка, особое «исповѣданіе», въ которомъ бѣдность положительнаго содержанія уравнивается рѣшительностью отрицаній. И моралистъ не столько подымается выше и становится надъ раздѣленіями, сколько просто привыкаетъ смотрѣть на нихъ свысока. Врядъ ли это свидѣтельствуетъ не то, чтобы о братолюбіи, но хотя бы о простомъ уваженіи къ вѣрѣ ближняго, которая минималистическимъ перетолкованіемъ снисходительно низводится до уровня частнаго мнѣнія или личныхъ взглядовъ, и въ такомъ качествѣ терпится и пріемлется. Здѣсь нѣтъ даже искренности достаточной... «Морализмъ» есть призывъ

соединяться въ бѣдности, въ обѣднѣніи, въ неимѣніи, — не согласіе, но соглашеніе въ молчаніи и умолчаніи. Это есть равненіе по неимущему, по самому слабому. Иногда такой выходъ пріемлется изъ равнодушія: и какъ познать Истину. Часто берется подъ сомнѣніе самая возможность общезначимыхъ сужденій въ догматикѣ и даже въ метафизикѣ, и сами догматы разрѣшаются въ моральные или моралистическіе символы и постулаты. Тогда, конечно, не приходится добиваться единомыслія и согласія въ этой области сомнительнаго и нерѣшеннаго. Рѣже въ минимализмъ укрываются отъ страха и маловѣрія, въ отчаяніи достигнуть безспорнаго тамъ, гдѣ всего больше было споровъ и размолвокъ. Словомъ, морализмъ есть воздержаніе, но не столько въ смиреніи и аскезѣ, сколько въ равнодушіи или сомнѣніи. Впрочемъ, можно ли соединиться въ отрицаніи и сомнѣніи... Соединенія и общенія нужно искать въ богатствѣ и въ полнотѣ, не въ бѣдности. Это значитъ: не чрезъ нисхожденіе и примѣненіе къ самому слабому, но чрезъ восхожденіе, чрезъ устремленіе къ самому крѣпкому. Образъ и примѣръ есть и данъ только одинъ: Христосъ Спаситель... Есть спорные вопросы, по которымъ Церковь не дала и не имѣетъ однозначныхъ и общезначимыхъ отвѣтовъ. И, однако, такъ же и здѣсь вполне исключается скептическая неопредѣленность, и не умѣстно и здѣсь успокоительное: *ignorabimus*... Ибо вѣдь вся полнота вѣдѣнія дана изначально въ опытѣ и сознаніи Церкви, и должна быть только о п о з н а н а . Вотъ въ этомъ опознаніи нуженъ максимализмъ... И такъ, е д и н с т в о в ѣ р ѣ , не только единство въ любви. Но и единство вѣры еще не исчерпываетъ единства Церкви. Ибо единство Церкви есть, прежде всего, единство жизни, т. е. единство и общеніе таинствъ... Истинное единство можетъ осуществиться только въ Истинѣ, — т. е. въ полнотѣ и въ силѣ, не въ слабости и недостаточности. Въ тождествѣ мистическаго опыта и жизни, въ полнотѣ «нераздѣльной вѣры», въ полнотѣ таинствъ. Подлиннымъ единствомъ можетъ быть только это единство таинствъ, принимаемыхъ во всей полнотѣ ихъ іератическаго и теургическаго реализма. Ибо это есть единство въ Д у х ѣ , истинное «единеніе Духа»... Въ «морализмѣ» есть и еще изъянъ. Въ немъ слишкомъ много благодушія и оптимизма. Примиреніе кажется близкимъ, возможнымъ и нетруднымъ, — ибо нѣтъ достаточной серьезности и мужества въ самомъ воспріятіи и видѣніи раздѣленія. Морализмъ не достаточно трагиченъ, и трагизмъ вообще плохо вмѣщается въ предѣлы морали, даже и моральный трагизмъ, это скорѣе самое ясное свидѣтельство объ ограниченности морали, какъ таковой... Возсоединеніе возможно только чрезъ опытъ и подвигъ рѣшенія н е р ѣ ш е н н ы хъ в о п р о с о в ѣ , а не чрезъ воздержаніе

или уклоненіе отъ нихъ. Здѣсь есть нѣчто искомое, что еще предстоитъ найти и опредѣлить. Самое раздѣленіе свидѣтельствуетъ о наличности вопросовъ. Въ раздѣленіи и расколѣ есть проблема тика. Ее нельзя не упразднить, ни подмѣнить сентиментализмомъ. Есть подлинныя апоріи единства о трудности. Путь труденъ, горній путь... Путь мужества и дерзновенія.

3. Задача Христіанскаго возсоединенія практически приводится, прежде всего, къ примиренію и преодолѣнію обоихъ великихъ Западныхъ расколовъ. Раскола Запада и Востока, Рима и Византіи, т. наз. «Раздѣленія церквей», во-первыхъ; и Реформаціи во-вторыхъ. Всего важнѣе именно это возсоединеніе Христіанскаго Запада. Меньшее и не самостоятельное значеніе можетъ имѣть замиреніе Восточныхъ раздѣленій, возникшихъ однажды въ пылу древнихъ Христологическихъ смуть и споровъ, но съ тѣхъ поръ длящихся больше по исторической инерціи. Давно уже нѣтъ въ нихъ собственной религіозной проблематики, и держатся они скорѣе немошью націоналистической исключительности (такъ Армянская церковь, Яковиты, Эѳіопская церковь и др.)... И вотъ спрашивается теперь, что же значить Римъ и что значить Реформація въ перспективахъ искомаго Христіанскаго соединенія... Проще вопросъ о Реформаціи, хотя и не легче. Обычно въ Реформаціи видятъ самоутвержденіе и нѣкое самодержавіе личности въ религіозной жизни, проявленіе и торжество религіознаго индивидуализма. При этомъ вполне понятнымъ становится преобладаніе въ Протестантизмѣ центробѣжныхъ, разъединяющихъ и уединяющихъ силъ. Иначе сказать, Реформація сказывается прямой противоположностью Соединенія. И, стало быть, Возсоединеніе тѣмъ самымъ оказывается преодолѣніемъ и даже отрицаніемъ Реформаціи, оказывается и должно оказаться обращеніемъ и возвратомъ... Въ такой характеристикѣ много правды. Но не вся правда, и не послѣдняя правда. Ибо совсѣмъ не самопревозношеніе, но именно самоуничженіе челоука было начальной предпосылкой и движущимъ духомъ Реформаціи. Протестантизмъ рождается изъ духа антропологическаго минимализма. Реформація есть прежде всего это признаніе и утвержденіе безысходной грѣховности и беспомощности челоука. И во Христѣ челоукъ отпускается на свободу, но не преображается. Становится вольноотпущенникомъ, — но откуда взять ему благородство рожденныхъ въ свободѣ... Протестантизмъ въ извѣстномъ смыслѣ можно опредѣлить, какъ гипер-эсхатологизмъ. Это не то значить, конечно, что Реформаціонное сознаніе какъ то особенно занято или возбуждено эсхатологическими чаяніями и взысканіями. И не склонность или тяготѣніе къ хилиазму. Однако, Второе Пришествіе въ протестантскомъ сознаніи почти что за-

слоняеть Первое. Чувствуется настороженность, какъ бы не преувеличить смыслъ уже свершившагося. И преобразование міра и человѣка вполнѣ отодвигается ко Второму Пришествію. Потому реальность Церкви умалается въ предчувствіи Грядущаго Царствія и «будущаго вѣка». Отсюда своеобразный докетизмъ и чуть ли не иллюзіонизмъ въ воспріятіи и толкованіи таинствъ. Таинства оказываются скорѣе знаменіями ожидаемаго, символами, а не печатію одержанной побѣды... И вотъ, именно этотъ «сакраментальный символизмъ» и является разобщающей и разъединяющей силой въ Протестантизмѣ. Разрывъ священноначалія въ этомъ отношеніи гораздо болѣе былъ важенъ и опасенъ, чѣмъ пробужденіе своевольнаго и мятежнаго «я». Ибо едина и соединяется Церковь именно въ «единеніи Духа», т. е. въ непрерывности харизматическихъ токовъ, въ непрерываемомъ общеніи таинствъ. Въ борьбѣ и разрывѣ Реформаторовъ съ Римомъ такъ случилось, что были прерваны и нарушены связи съ самой Пятидесятницею... Вотъ почему только чрезъ возстановленіе Священства, Священноначалія и Священнослуженія, Протестантизмъ можетъ возвратиться въ Церковь. Нужно сказать именно это слово: возвратиться, — ибо Реформація была объективнымъ выходомъ изъ общенія таинствъ. Недостаточно одно взысканіе Церкви и жажда церковности, мало даже догматическое возстановленіе и прозрѣніе. Вѣдь мало увѣровать, но необходимо креститься, — и возрождается человѣкъ не силой своей вѣры, но дѣйствіемъ крещальной благодати Божіей. И не достаточно даже возлюбить Господа, — обрученіе вѣчной жизни преподается не въ этой любви и не въ одной вѣрѣ, но только въ таинствѣ Плоти и Крови. Церковь жива и едина именно въ Крови Господней, въ Евхаристической Крови, — и гдѣ не совершается Евхаристія, тамъ нѣтъ Церкви... И совершеніе Евхаристіи предполагаетъ сакраментальное Священство, — и тѣмъ самымъ неповрежденность или возстановленіе Апостольскаго преемства... Иначе сказать: и зъ Реформаціи, какъ изъ «дальней стороны», подобаетъ вернуться въ Церковь, — при-соединиться къ Ней. Здѣсь можно и приходится говорить только о присоединеніи... Повторимъ еще разъ: единомыслія и единокровія еще мало, еще не достаточно единства въ чувствахъ и въ вѣрѣ, — все это только пред-условіе воз-соединенія; а самое соединеніе совершается только въ единствѣ и общеніи таинствъ. Вотъ почему немощнымъ и обреченнымъ остается и останется т. наз. «Высоко-церковное движеніе» въ современномъ нѣмецкомъ протестантизмѣ. Романтическое возстановленіе и репозитизація обряда есть только свидѣтельство покаянія и обращенія души. Но это не больше, чѣмъ только сакраментальная обстановка. Если угодно: ожиданіе Царя и Царскаго входа... Но Царь не

приходить... И бдѣніе у вратъ. Но врата замкнуты, остаются непроходимыми... Ничѣмъ нельзя замѣнить реальность таинствъ и тайнодѣйствій... Протестантизмъ не на одно лицо, — скорѣе можно говорить о какомъ то калейдоскопѣ личинъ и ликовъ. При всей прямолинейности и радикализмѣ Реформаціонной логики, пути Протестантизма въ исторіи извилисты и вьются. И не безъ насильственного упрощенія можно подвести подъ единое и общее понятіе протестантизмъ разныхъ странъ, — особенно ясно чувствуется глубокое расхожденіе Нѣмецкаго и Англо-саксонскаго протестантизма. Вѣдь только въ Нѣмецкомъ Протестантизмѣ играла опредѣляющую роль философскій мотивъ. Правда, это было въ значительной мѣрѣ уже уходомъ отъ Реформаціи. Но и самый уходъ этотъ былъ только послѣдованіемъ Реформаціоннымъ началамъ, парадоксальнымъ обращеніемъ этихъ началъ. Трагическая и пугающая диссолюція скорѣе, чѣмъ эволюція, Нѣмецкаго Протестантизма «отъ Реймаруса и до Вреде» есть особая тема и проблема своего рода. Сейчас мы говоримъ о самой Реформаціи. Изъ Реформаціи нужно вернуться. И даже «евангелическій католицизмъ» есть только робкій и неувѣренный шагъ. И вотъ что еще нужно прибавить: возвратиться въ Церковь можно только открыто и прямо, не въ порядкѣ уступокъ, соглашеній, приспособленія и компромиссовъ. И вотъ только компромиссомъ является всякая попытка воскресить въ Протестантизмѣ сѣмя и дыханіе Священства чрезъ обращеніе къ побочнымъ и увядающимъ вѣтвямъ Церкви. Противоестественно возстановливать Апостольское преемство въ Германіи или въ Англіи чрезъ Цейлонское или Малабарское рукоположеніе. Это есть попытка скорѣе похитить, нежели обрѣсти благодать. И во всякомъ случаѣ къ Возсоединенію это путь далекій и врядъ-ли прямой и вѣрный. Вѣдь въ самыхъ предпосылкахъ какъ бы признанъ фактъ раздѣленія и разобщенія... Проблема выхода изъ Реформаціи неразрывно связана съ проблемой Рима. Ибо недостаточно выйти, но надлежитъ именно вернуться. И вотъ, на Западѣ всего ближе вернуться именно въ Римъ. Именно поэтому немногіе возвращаются. Не всегда есть только неправда въ этомъ воздержаніи отъ возвращенія черезъ Римъ, то есть собственно въ Римъ. Ибо «Римъ» вѣдь дѣйствительно нуждается въ нѣкоей «реформаціи», — «во главѣ и въ членахъ». И не подобаетъ осуждать слишкомъ торопливо тѣхъ, кто соблазняется о немощахъ и заблужденіяхъ Рима. Однако, Римъ безмѣрно и несоизмѣримо богаче Реформаціи. Реформація есть оставленность, вольно избранная и изволенная. Это домъ, оставленный и оставшійся впускъ. Это храмъ опустѣвшій и даже опустошенный. Но Римскій храмъ никакъ не пустъ и не оставленъ. Облако славы Божіей все еще надъ скиніей. Духъ Божій дышетъ въ Римскомъ

Католицизмъ, и этому не могутъ помѣшать и всѣ нечистыя испаренія пагубныхъ страстей и извращеній человѣческихъ. Спасительная нить Апостольскаго преемства не прервана. Таинства совершаются. Безкровная жертва приносится и возносится. И кто дерзнетъ сказать и сдѣлать оговорку: но не прие­м­лет­ся въ пренебесный и мысленный Жертвенникъ, въ воню благоуханія духовнаго. Святыня еще во храмѣ. И такъ, во всякомъ случаѣ путь въ Римъ и черезъ Римъ не есть путь мнимый... Немошь и неправда Реформаціи въ томъ, что это было дѣло чело­вѣ­ческое, только чело­вѣ­ческое, слишкомъ чело­вѣ­ческое, — хотя бы и состояло оно въ самоуничиженіи и самоотрицаніи. И неправда Рима есть тоже неправда чело­вѣ­ческая, и другой неправды и не бываетъ, — «Правда Твоя правда во вѣки, и слово Твое истина»... Но въ Римѣ есть и правда Божія... Римъ не правъ въ вѣрѣ и немощенъ въ любви. Но Римъ не безъ благода­ти, не внѣ благодати... Какъ бы то страннымъ ни показалось, расколъ Запада и Востока есть расколъ и раздѣленіе въ вѣрѣ и оскудѣніе въ любви, но это не есть расколъ въ благодати и таин­ствахъ, не есть раздѣленіе Духа. И Духъ Утѣшитель единъ и не­раздѣленъ даже въ расколѣ. Станнымъ образомъ, скрыто осуществлено самое важное: нераздѣльность благодати, не­смот­ря на то, что меньшее и, казалось бы, болѣе легкое, ибо чело­вѣ­ческое, не осуществлено. Богъ и донынѣ соединяетъ то, что рас­пало­сь въ дѣлахъ и мысляхъ чело­вѣ­ческихъ... Если для Проте­стан­тизма путь соединенія въ стяжаніи Священства и возста­новленіи таинствъ, то расколъ Запада и Востока разрѣшимъ въ стяжаніи догматическаго единомыслія и въ братолюбіи до нѣж­ности... Риму и Востоку подобаешь и «остается» соединиться въ чело­вѣ­ческомъ подвигѣ... Сказаннымъ нисколько не ослабляет­ся вся реальность раздѣленія съ Римомъ. И можетъ быть именно потому такъ трудно встрѣчаться съ Римомъ, что вся сила раздѣ­ленія именно въ чело­вѣ­ческомъ, въ чело­вѣ­ческой энергіи... Въ Романизмѣ есть нѣчто антиномическое и, во всякомъ слу­чаѣ, парадоксальное. Римъ весь въ стремленіи къ единству. Римъ есть нѣкій символъ единства и соединенія. Римъ чрезъ всю исторію ищетъ единства. Именно Римъ больше всего ищетъ и взыскуетъ единства — и во всякомъ случаѣ, въ этомъ взыска­ніи много справедливаго и ревностнаго. Но вѣдь именно это настойчивое и торопливое Римское взысканіе христіанскаго единства и Церковнаго мира больше всего препятствуетъ и мѣшаетъ воссоединенію и единству. Римская торопливость всего болѣе замедляетъ и задерживаетъ воссоединительный процессъ. Ибо не то единство, и не на тѣхъ путяхъ ищутъ въ Римѣ и изъ Рима. Вѣдь основная и главная неправда и неправота Рима была и есть именно о единствѣ церковномъ. И догмать о Папѣ есть именно лже-догмать о единствѣ Церкви... Изъ ска-

заннаго первый выводъ приходится сдѣлать о крайней необходимости догматическаго и богословскаго «объясненія» съ Римомъ. Въ этомъ отношеніи очень показателенъ и поучителенъ примѣръ неудавшихся и неудачныхъ богословскихъ встрѣчъ православныхъ и старо-католиковъ сразу же послѣ Ватиканскаго собора (Боннскія конференціи 70-хъ гг.). Въ тогдашнемъ обмѣнѣ мнѣній сразу выяснилось, что главное препятствіе къ сближенію и соединенію сосредоточено именно въ догматической области, — въ томъ, что въ своемъ догматическомъ міровоззрѣніи Старо-католики оставались ограниченными Романистами, слишкомъ Западными людьми, и не были способны вмѣстить Востокъ ни въ свое сознаніе, ни въ свою совѣсть иначе, какъ въ порядкѣ компромисса. Здѣсь сразу и Западническая замкнутость сердца, и погрѣшность въ самыхъ догматическихъ предпосылкахъ. Конечно, и гордость своей Западной исторіей, своей исторической славой и дѣлами, своимъ христіанскимъ героизмомъ и рыцарствомъ. Но главное именно въ догматическихъ предпосылкахъ, въ самой изначальной догматической установкѣ. Здѣсь неправота и неправда въ самомъ догматическомъ опытѣ, — не только въ отдѣльныхъ и догматическихъ опредѣленіяхъ. Поэтому такъ опасенъ и бесплоденъ путь догматическаго минимализма, когда стараются ограничить догматическое единомысліе и согласіе возможно болѣе тѣснымъ и узкимъ кругомъ вполнѣ «необходимыхъ» истинъ вѣры, чтобы за ихъ предѣлами допустить «свободу въ сомнительномъ». Ибо такое различіе или разграниченіе было бы возможно только въ томъ случаѣ, если бы вѣроученіе было неорганической совокупностью или агрегатомъ обособленныхъ догматическихъ утвержденій или положеній. Но вѣра и вѣроученіе есть органическое цѣлое. И упорное разногласіе въ догматическихъ «подробностяхъ» заставляетъ усомниться, дѣйствительно ли есть полное и искреннее согласіе въ самомъ опытѣ вѣры, не только въ формальныхъ предпосылкахъ и, если уместно такъ выразиться, въ догматическихъ контурахъ. И совсѣмъ не безразлично и не «не-необходимо» то, что внутри контура, что этотъ контуръ обводитъ. Рѣчь идетъ не столько о постепенности и послѣдовательности въ логическихъ дедукціяхъ и развитіи, сколько о первичной четкости, «ясности и отчетливости», самого вѣрующаго узрѣнія, т. е. самого Откровенія. Въ поясненіе достаточно одного примѣра. Нельзя относить къ числу «сомнительнаго», или «не-необходимаго» такой, казалось бы, внѣшній догматъ, какъ догматъ о св. иконахъ. Не потому, конечно, что св. иконы, ихъ признаніе и употребленіе, «безусловно необходимы для спасенія». Но потому, что упорное и несговорчивое стремленіе сдвинуть ученіе о св. иконахъ куда то подъ порогъ догматическаго сознанія свидѣтельствуешь о несомнѣн-

ной неясности въ разумѣніи уже вполне безспорныхъ догматовъ вѣры, внѣ которыхъ писаніе и почитаніе иконъ не можетъ быть оправдано. Короче говоря, соблазнъ объ иконахъ есть всегда въ извѣстномъ смыслѣ соблазнъ о самомъ Воплощеніи, о Богочеловѣчествѣ, есть нѣкое гнушеніе объ историческомъ и чувственномъ. Во всякомъ случаѣ не цѣлесообразно такіе вопросы откладывать и замалчивать... Нельзя и не слѣдуетъ обходить и самые безспорные начатки вѣры. Ибо и здѣсь неожиданно можетъ вскрыться глубокое несовпаденіе и несогласіе. И снова достаточно одного примѣра. Въ самомъ общемъ «понятіи» о Богѣ есть существенная несогласованность между Западомъ и Востокомъ. Вспомнимъ споры XIV-го вѣка о Свѣтѣ Фаворскомъ и, какъ о предпосылкахъ ученія о немъ, о различіи въ Божествѣ сущности и энергіи. Это совсѣмъ не былъ схоластическій споръ и о не-нужномъ и не-важномъ. Здѣсь во-истину встрѣтились и столкнулись не только двѣ богословскія системы, но и два міровоззрѣнія, два опыта. И встрѣча была не только на полемической поверхности, но и въ большихъ глубинахъ. Вскрылось непримиримое и болѣзненное разногласіе. Вопросъ поставленъ. Не годится обходить его. А нечувствіе къ его остротѣ и важности свидѣтельствовало бы только объ общей религіозной нечуткости и нечувствительности... Такимъ образомъ, догматическое «объясненіе» Востока съ Римомъ должно быть именно цѣлостнымъ и все-объемлющимъ, органическимъ прежде всего. Невѣрно и нецѣлесообразно формалистически сводить всѣ расхожденія къ опредѣленнымъ параграфамъ, о которыхъ только будто и подобаетъ согласиться. Непріемлемо въ Римѣ именно что то основное и начальное, а не только тѣ или другія положенія и теологумены. Ибо вѣдь прежде всего непріемлемо Папство... Нужно найти основную болѣзненную точку въ Римскомъ опытѣ. Кажется, ее можно разгадать и показать. Снова здѣсь предъ нами извѣстная неожиданность. Въ Римскомъ сознаніи неполнѣ укрѣплено и выражено чувство, что Христосъ и по восшествіи на небеса реально и непосредственно, хотя и невидимо, пребываетъ и правитъ въ «исторической» и земной Церкви. Какъ будто въ Вознесеніи онъ ушелъ и вышелъ изъ исторіи, до «парусіи», до возвращенія. Какъ будто исторія оставлена. Какъ будто въ исторіи мало что измѣнилось. Это можно назвать г и п е р - и с т о р и з м о м ъ . Отсюда потребность и возможность извѣстнаго замѣщенія Христа въ исторіи, — идея «Намѣстника»... Римское или латинское христіанство совсѣмъ не однозначно. И нельзя свести все многообразіе и всю полноту мистической и богословской жизни въ Римскомъ христіанствѣ къ какой-нибудь одной «идеѣ». И во всякомъ случаѣ папизмомъ Римъ не исчерпывается. Но вмѣстѣ съ тѣмъ именно папизмъ есть самое своеобразное въ Западномъ чувствѣ Цер-

кви, въ Западной «церковности». Папизмъ свидѣтельствуеть о нечувствіи Христа въ исторіи. Съ другой стороны, въ немъ ска- зывается преувеличеніе смысла іерархическихъ харизмъ. Здѣсь своего рода каноническій монтанизмъ... Во всякомъ случаѣ «Ватиканскій догматъ» есть не только опредѣленіе и фѳормула, но и мистическое признаніе и свидѣтельство. Папизмъ есть не только фактъ каноническій, но и мистическій... И потому здѣсь не такъ важно каноническое или историко-догматическое опро- верженіе, сколько именно глубочайшее преображеніе самого чувства Церкви, возвращеніе къ полнотѣ Христологическаго видѣнія... Въ Западномъ опытѣ есть большая Христологическая неясность. Она связана съ общимъ воспріятіемъ исторіи. Для Западнаго благочестія вообще характерно созерцаніе Христа въ Его евангельскомъ уничиженіи, въ Геесиманіи, на Голгоѳѣ, въ терновомъ вѣнцѣ. Недостаточно чувствуется Воскресеніе, побѣда надъ тлѣніемъ и смертью. Самая страсть и смерть Спа- сителя воспринимается слишкомъ исторически («натуралистиче- ски»). И потому Вознесеніе воспринимается какъ выходъ изъ эмпирии... Здѣсь главная тема для «объясненія» съ Римомъ... И для Рима путь воссоединенія есть путь возврата, — возврата къ истокамъ... Это должно быть прежде всего преображеніемъ догматическаго сознанія и опыта. И заново должны быть пере- житы и передуманы всѣ древнія темы, темы эпохи древнихъ Вселенскихъ соборовъ, которыя въ свое время не были изжиты на Западѣ... Въ Римской концепціи церковнаго единства не- вѣрно и неприемлемо не только каноническое или юридическое суженіе перспективъ. Гораздо важнѣе и опаснѣе нечувствіе всей серьезности раскола и расхожденія между Западомъ и Востокомъ. Своего рода мистическое нечувствіе. Отсюда такой примитивизмъ и упрощеніе въ уніональных замыслахъ и проек- тахъ. Можно сказать: не столько чрезмѣрная требовательность, но именно чрезмѣрная мистико-догматическая нетребователь- ность или снисходительность есть неправда Рима и его уніональной тактики... Вотъ именно проблема Христіанскаго воссоединенія превращается въ проблему и заданіе церковной тактики или дипломатіи, пастырской педагогіи или «Христіан- ской политики» (какъ выражался Владиміръ Соловьевъ). Въ частности этотъ упрекъ вполне относится къ новѣйшимъ и современнымъ опытамъ «Восточнаго обряда». Здѣсь есть ро- ковой самообманъ. Либо, дѣйствительно, обрядъ остается толь- ко обрядомъ, — тогда никакого «соединенія» не происходитъ, и самый обрядъ деформируется, превращается или вырождается въ церемоніаль, выдыхается, обезсмысливается. Либо обрядъ воспринимается во всемъ своемъ іератическомъ реализмѣ, — но тогда неминуемо разрываются грани Западнаго или Римскаго самочувствія. Въ обоихъ случаяхъ не получается со-единенія:

Оказывается, что въ дѣйствительности Римъ совсѣмъ не владѣеть «Восточнымъ обрядомъ». Это совсѣмъ не «обрядъ», но живая реальность иного не-Римскаго христіанства... Больше послѣдовательности и чуткости у сторонниковъ простой латинизаціи. Это болѣе трезвая точка зрѣнія... Расколъ Запада и Востока не въ обрядѣ и не только въ юрисдикціи, но именно въ вѣрѣ и опытѣ.

4. Основная трудность въ ученіи о Христіанскомъ Возстановленіи есть трудность о предѣлахъ или границахъ Церкви. Это вся проблематика св. Кипріана Кареагенскаго. Основную мысль св. Кипріана можно такъ выразить: каноническая грань Церкви есть тѣмъ самымъ и харизматическая, такъ что всякая «схизма» тѣмъ самымъ есть полное выпаденіе изъ Церкви. Есть уходъ изъ той святой земли, изъ того святаго и священнаго Града, гдѣ бьетъ святой источникъ, ключъ священной воды, мистическій Іорданъ. Потому у схизматиковъ только «нечестивая вода» во оскверненіе, а не во омовеніе скверны. Сразу за каноническимъ предѣломъ начинается міръ безблагодатный, естественный... Практическіе выводы св. Кипріана никогда Церковью приняты не были, и правила Церковныя о возсодиненіи раскольниковъ и еретиковъ молчаливо предполагаютъ, что Духъ дышетъ и въ сынахъ противленія... Признаніе «схизматическихъ» таинствъ нельзя объяснить одной «икономіей», — здѣсь не можетъ быть никакого двусмысленнаго «прагматизма», никакого «Als Ob»... Однако, вмѣстѣ съ тѣмъ, разсужденіе св. Кипріана врядъ ли можно считать опровергнутымъ. Конечно, его предпосылки нужно съузить и уточнить. Но самая послѣдовательность мысли остается не нарушенной. И блаж. Августинъ въ своей полемикѣ съ донатистами въ сущности вовсе не такъ уже далеко уходилъ отъ Кипріана... Вотъ почему есть неразрѣшенное натяженіе между догматикой и практикой въ данномъ случаѣ, — натяженіе, не противорѣчіе. Церковь свидѣтельствуетъ, что таинства совершаются и въ расколахъ, и даже у еретиковъ, — пусть и не во спасеніе, какъ разъясняетъ блаж. Августинъ, но вѣдь совершаются Духомъ Святымъ, которой стало быть и въ схизмѣ остается животворить. Но не объясняетъ, какъ это возможно. Не такъ загадочно, что есть надежда спасенія «внѣ Церкви», *extra Ecclesiam*, — сколько именно этотъ фактъ Животворящаго пребыванія Духа единства въ схизмѣ. Это основная антиномія въ ученіи о Церкви. И не годится этотъ антиномическій и парадоксальный фактъ перетолковывать въ духѣ и смыслѣ извѣстной «теоріи церковныхъ вѣтвей», *Church—branch—theory*. Это будетъ совсѣмъ незаконномѣрной экстраполяціей. «Теорія церковныхъ вѣтвей» слишкомъ оптимистически и благополучно представляетъ себѣ расколъ Христіанскаго міра.

Нѣтъ равноправныхъ «вѣтвей». Вѣрнѣе сказать: заболѣвшія вѣтви не сразу засыхаютъ. Именно въ этомъ основной фактъ. Каноническое обособленіе, потеря «соборности», т. е. каеволической цѣльности, потускнѣніе и примраченіе догматическаго сознанія, даже прямое заблужденіе, — вся эта человѣческая неправда и неправота еще не останавливаетъ и не преграждаетъ круговращенія Духа. Однако, это уже не фактъ каноники, и не можетъ быть учтенъ для построенія «нормальной» схемы Церкви. Это фактъ сверхъ-каноническаго исключенія, недовѣдомый пока въ исторіи. Лучше всего сказалъ объ этомъ Хомяковъ. «Такъ какъ Церковь земная и видимая не есть еще полнота и совершеніе всей Церкви, которымъ Господь назначилъ явиться при конечномъ судѣ всего творенія, то она творитъ и вѣдаетъ только въ своихъ предѣлахъ, не судя остальному человечеству (по словамъ апостола Павла къ Коринѣянамъ) и только признавая отлученными, т. е. не принадлежащими ей, тѣхъ, которые отъ нея сами отлучаются. Остальное же человечество, или чуждое Церкви, или связанное съ Нею узами, которыя Богъ не изволилъ Ей открыть, предоставляетъ Она суду великаго дня» (*Церковь одна*, § 2). Да, есть узы недовѣдомья, неразрываемаго отступленіемъ и расколомъ... Но тѣмъ менѣе подобаетъ успокаиваться и утѣшаться объ этой недовѣдомой связи, небречь объ этомъ милосердномъ дарѣ единства. Но нужно стремиться осуществить, раскрыть и исполнить это единство въ полноту Церкви, торжествующей въ Духѣ и истинѣ и на землѣ и въ историческомъ свидѣтельствѣ... Съ этой точки зрѣнія важнѣе всякое реальное «общее дѣло», чѣмъ даже прямая постановка вопроса о воссоединеніи... Ибо всего важнѣе именно самая реальность единства и вѣрности хотя и въ маломъ... Въ этомъ отношеніи учено-богословское сотрудничество и взаимность есть несомнѣнно реальный «униональный» актъ, поскольку осуществляется солидарность хотя бы въ стремленіи къ истинѣ Христовой... Вопросъ о воссоединеніи всего цѣлесообразнѣе ставить именно какъ вопросъ истины, — искать Истину, и Она не только освободитъ, но и соединитъ, ибо Истина едина и есть единство... Для воссоединенія в с е въ эмпирическомъ Христіанствѣ должно перемениться, — скажемъ иначе: преобразиться. Воссоединеніе нельзя мыслить, какъ соединеніе нынѣшнихъ эмпирическихъ реальностей. И въ понятіи п р и - соединенія все же больше точности и четкости, чѣмъ въ понятіи простого со-единенія. Здѣсь остается неяснымъ: к т о соединяется. А при-соединеніе мыслится къ И с т и н ѣ ... Воссоединеніе возможно только въ Духѣ и силѣ, во вдохновеніи и святости. Потому врядъ ли къ нему придутъ на богословскихъ конференціяхъ, на съѣздахъ іерарховъ, врядъ ли въ Лозаннѣ и не въ Стокгольмѣ.... И если воссоедине-

нію суждено совершиться въ исторіи, то во всякомъ случаѣ это будетъ уже въ эсхатологическихъ сумеркахъ и въ канунъ Парусіи. Ибо это будетъ уже предвареніемъ и предвосхищеніемъ потустороннихъ судебъ... Здѣсь многое неясно и уясняется каждому въ его молитвенномъ бдѣніи и искусствѣ... Этимъ не ослабляется рѣшительность заповѣди: «Итакъ, выйдемъ къ Нему за станъ, нося Его поруганіе. Ибо не имѣемъ здѣсь пребывающаго Града, но взыскуемъ грядущаго» (*Евр. XIII. 13*).

Январь 1933.

Священникъ Георгій Флоровскій .